

М. В. ПУЛЬКИН
(Петрозаводск)

СЛУХИ
О САМОСОЖИГАТЕЛЯХ:
ИСТОКИ, ДОСТОВЕРНОСТЬ,
ФИКСАЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
(конец XVII—XVIII вв.)

Аннотация. Статья посвящена особенностям формирования слухов о самосожжении. Основой статьи послужили многочисленные труды, оставленные современниками событий и нацеленные на борьбу со слухами. Автор приходит к выводу о разнообразии мотивов, подталкивающих старообрядцев к самоубийствам, а также о значительном влиянии слухов на принятие фатальных решений.

Ключевые слова: духовенство, самосожжение, старообрядцы, самоубийство, метажанр, слухи, православие.

В силу специфики сохранившихся многочисленных, но ненадежных источников, касающихся самосожжений конца XVII — начала XVIII в., исследование слухов, связанных с этим явлением, — исключительно сложная задача. Основная трудность заключается в том, что основная сфера бытования слухов для тех лет — устная речь. Слухи, пусть даже и предельно бережно закрепленные в тех или иных письменных произведениях, утрачивают свое основное свойство: ситуативность, однократную воспроизводимость, спонтанность, нацеленность на конкретного слушателя. Есть и другие, значительно менее заметные проблемы. Наиболее активно слухи использовали (а следовательно, фиксировали) непосредственные участники событий, сторонники и противники самосожжений, что неизбежно предполагало самую радикальную литературную обработку распространенных в народе сюжетов.

Любая информация, по-разному оформленная, преподнесенная слушателям в различных ситуациях, может стать слухом в том случае, если ее содержание связано с волнующими общество проблемами. Другим важным фактором становится наличие явных

угроз, достоверная информация о которых остается малодоступной. В этих случаях, как правило, в немалом количестве обнаруживаются желающие как распространять, так и воспринимать слухи, черпать информацию из различных источников, слабо интересующая ее достоверностью. Слухи являются своего рода *метажанром*, охватывающим самые различные литературные и устные традиции, находящимся с ними в творческом взаимодействии, обогащающим их новыми сюжетами и, в свою очередь, питающимся их энергией.

У истоков метажанра

Исследователю с самого начала приходится примириться с тем, что слухи в «чистом» исполнении фатально останутся недоступными. С другой стороны, понятно, что некоторые жанры литературы (прежде всего, так называемые «видения») служили основой для слухов, многократно передавались из уст в уста, вновь фиксировались в литературных произведениях разных жанров и снова переходили в народную молву. Наконец, совершенно очевидно, что некоторые слухи (прежде всего, апокалипсического характера) определены наделены бессмертием, они вновь и вновь возникают в разных частях ойкумены. Речь может идти лишь о большей или меньшей интенсивности распространения слухов о конце света в разные периоды существования человечества. Цель данной статьи заключается в том, чтобы проследить наиболее типичные сюжеты, присутствующие в слухах о самосожжателях, и выявить связь использования слухов с применением других мер, направленных на предотвращение/распространение «гарей».

Некоторые феномены религиозной жизни не только породили многочисленные слухи, но и само их существование становилось возможным только благодаря как самим слухам, так и врожденной готовности многих современников событий внимательно прислушиваться к тайной, передаваемой из уст в уста и побуждающей к действию информации. При этом противостояние слухам становилось возможным только при помощи других, столь же интенсивно используемых слухов. 143

Рациональные способы противодействия стремительно распространяющейся, мало достоверной, но весьма действенной информации жизнь отменяла практически сразу.

В целом слухи всегда имеют ярко выраженную эмоциональную окраску, их изложение адресовано иррациональной стороне человеческого сознания. Это имеет существенные последствия для процессов коммуникации и взаимодействия индивидов: совместное обладание информацией о запретных темах создавало атмосферу доверительности, общей тайны, формируя тесный круг посвященных.

Иногда позитивные слухи сами по себе служили весомой наградой за страдания. Впервые об этом со всей определенностью высказался в начале XVIII в. Ф. Прокопович. Некоторые из участников «гарей», полагал он, «прельщаются» грядущей славой, мечтая: «хвалим буду и блажим от всех, аще за сие постражду, напишется обо мне история, пронесется всюду похвала; не один, удивляясь, скажет обо мне: “великодушен муж был, мук лютых не убоялся!”» [Увещание 1872, 234].

В целом информация, сохраняемая и передаваемая в виде слухов, может подразделяться на следующие разновидности.

Во-первых, это *слухи-пророчества* (предупреждения), суть которых заключается в изложении необычных фактов, свидетельствующих, по мнению рассказчиков, о предстоящих катастрофических событиях. Слухи-пророчества нередко открывали дорогу к сознанию все новых и новых адресатов слухов, расчищая путь для иных разновидностей слухов, создавая такую атмосферу неопределенности, эмоциональной доминантности и присущей всем людям в критические моменты жизни особой доверчивости, при которых любая информация просто не могла восприниматься критически и рационально.

Далее чаще всего вступали в действие *слухи — побуждения к действию*. Они указывали выход из ситуаций, которые чуть ранее рисовались как безвыходные. Конечно, такой выход чаще всего представлялся как экстраординарное действие (например, самосожжение).

Замыкали череду слухов особые *слухи-оправдания*, призванные доказать, что действия, совершенные под влиянием предшествующей группы слухов, не были ошибкой.

Распространяющиеся о самосожжениях разнообразные слухи не являлись разрозненными сообщениями. Напротив, они представляли собой систему, складывающуюся стихийно, в разных местностях России, но в совокупности призванную помочь проповедникам «огненной смерти» вовлечь в пламя самосожжений максимальное число жертв.

Слухи-предсказания

Появление «новой веры», слухи о которой распространялись среди чернецов осажденного царскими войсками Соловецкого монастыря, произошло мистическим и зловещим образом. Обрядовые нововведения принесли на Русскую землю два «великих черных эфиопа», а до этого реформы тщательно подготавливались в течение 30 лет в аду самим Сатаной и его сподвижниками — еретиками [Чумичева 1998, 114]. Некоторые современники объясняли распространение самосожжений действием колдовских чар. Так, в Шведской Карелии в этот период распространялся слух о том, что «если пепел погибшего на пожаре мученической смертью попадет в воду ручья, то все, кто выпьет эту воду, последуют за ним в огонь» [Катаяла 2003, 35—36]. Все это формировало в сознании множества современников устойчивое представление о фатальной неизбежности самосожжений.

Слухи сопровождали самосожигателей буквально до последних минут их жизни. Так, в 1764 г., во время самосожжения в Троицком Зеленецком монастыре Новгородской губ., старообрядческий наставник увещевал двух женщин, опасавшихся мучений, следующими словами: «Огонь их не возьмет, а выйдет душа безо всего, и выйдет ангел, и на их главы венцы положит, и ладаном будет кадить» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2138. Л. 56об.]. Тем, кто нуждался в детальных оправданиях самоубийства, этот же наставник охотно давал более подробные объяснения. Спасшийся в последний момент из «гари» старообрядец Павел Еремеев

на допросе показал, что «слышал от объявленного наставника своево, что священномученик Мефодий, патриарх царьградский, в житии своем написал: “Вопросит царь с мертвых дань, в тья времена отрекутся люди православныя веры и святого крещения, и честного животворящего креста, без бою, без мук и ран. А овья не захотят отрещись православной веры, и святого крещения, и святого Креста Господня, волею своею будут собираться и огнем сожигаться. Всякого их Господь причтет с мученики”». Теперь, утверждал старообрядческий наставник, древнее пророчество сбылось: «Оное де святой Мефодий писал на нынешнее время, ибо ныне с мертвых дань берут, потому что государь Петр Первый узаконил ревизии и когда сколко в ревизии написано будет людей, то хотя ис того числа многие и помрут, однако ж народ принуждают подати до будущей ревизии платить». Совсем иначе поступали «благочестивые цари». Они «збирали с одних живых, а за мертвых не требовали». Но самое главное, император Петр I «оставил правую веру и старопечатные книги, а принял новообъявленные», положив тем самым основу отступничества: «И к нему многие люди преклонились без бою, без мук» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2138. Л. 56].

В рассуждениях старообрядческих наставников в данном случае прослеживается очевидное влияние сочинений об Антихристе, которые обрели широкое бытование в устной традиции. Так, самосожигатели активно использовали идею о недопустимости взимания «дани» с мертвых, вновь превращая в слух старообрядческое сочинение: «Лжехристос содела от гордости живущего в нем духа, учини описание народное, исчисляя вся мужеска пола и женска, старых и младенцов, живых и мертвых» [Собрание 2006, 310]. Однако «водители на гари» придавали этим зловещим аргументам свою собственную трактовку. Так, Н. Н. Покровский пишет, что неприятие и осуждение бытовых нововведений Петра I выразилось в народной эсхатологии, неотъемлемой частью которой стали слухи о «действиях слуг Антихриста». Из известных верующих текстов брались предсказания о воцарении Антихриста, которые затем в слухах «провозглашались сбывшими-

ся» [Покровский 1983, 49]. Эта общая закономерность деятельности старообрядческих наставников проявлялась и в побуждении мирян к самосожжениям.

Слухи — побуждения к действию

Далее наступал черед слухов — побуждений к действию. Их суть заключалась в том, что выход из создавшейся ситуации все же обнаружился. Он заключался в ряде экстраординарных, но все же осуществимых действий, дающих возможность преодолеть те угрозы, которые нависали над индивидом или социумом. В 1748 г. из-под пера неизвестного автора появился еще один старообрядческий литературный памятник, относящийся к этому жанру: «Видение некоей старухи». В нем утверждалось, что некая старуха «обумирала в полнощ и видела видение страшное». Наутро, придя в «чувство» она рассказала о посещении загробного мира и судьбах его обитателей. По ее словам, сгоревшим в Березовом Наволоке (август 1687 г.) и в Совдозере (конец XVII в., более точная дата неизвестна) на том свете определено «место и поле добро», но похуже, чем настоятелю Выговской пустыни и известному старообрядческому писателю Семену Денисову (который, кстати говоря, поддерживал идеи самосожигателей). Ведь он погиб своей смертью, а не кончался в «самогубительном» пламени. «Водящие» (сопровожающие по загробному миру) объяснили старухе: «Того ради им похуже место дано, понеже подкупили тех, кои их сожгли, чтоб сожгли их». Но в самом неблагоприятном положении оказались «горелыя у Волозера»: они постоянно пребывали в едком дыму. По утверждению старухи, перед самосожжением они не подвергались гонениям со стороны «никониан»: «не от нужды скончашася». Но они сурово наказаны Богом: «того ради им такое дымное место». Один из выводов, который создатели «видения» стремились донести до читателя, вложен в уста обитателей загробного мира: «И ты скажи людем, чтобы без нужды не горели, пусть бегают и нужду приемлют» [Пигин, Юхименко 2003, 137]. Другие видения, обретая форму слухов, подталкивали к самосожжениям значительно более определенным образом.

Слухи-оправдания

Слухи-оправдания были призваны объяснить, оправдать или дать негативную оценку происшедшим событиям. Нередко они обеспечивали повторение события вновь, иногда даже с привлечением значительно большего круга участников. Например, в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова изложены наблюдения «караула на огнище» — то, что видели солдаты, охраняющие место второго палеостровского самосожжения. Как утверждал старообрядческий историк, в одну из ночей на место, где еще недавно бушевал огонь, спустился огненный столп, «разными цветами цветущий», из которого вышли трое. Судя по облачению, это были два священника и дьякон. Оказавшись на земле, они совершили обряд, напоминающий крестный ход: «Хождаху они мужие около огнища на посолонь, един в руках имея крест, благословляющий и ограждая огнище, а другой чашу нося с водою и кропя огнище, а третий имея у себе в руках кадило со углем и фимиамом и кадяще огнище, по обычаю дьяконскому». При этом все трое тихо пели какую-то молитву. Троекратно обойдя место самосожжения, они вошли в столп и исчезли [История 1862, 64]. Нельзя не заметить, что оправдания самосожжений, присутствующие в слухах, становились идейной основой для организации новых «гарей» и цикл распространения слухов повторялся вновь, приводя к новым самосожжениям. По выражению известного исследователя сибирских «гарей» И. Я. Сырцова, «первыми примерами (самосожжений. — М. П.) раскольники были так увлечены, что наповал лезли в огонь» [Сырцов 1888, 17].

В дальнейшем, даже в XIX в., старообрядческие наставники вели свою паству на смерть с вдохновляющей мыслью о том, что на месте их гибели появится «священное место, богатое останками мучеников» [Сикорский 1897, 97]. Здесь можно сослаться на труды современных психологов. Для них связь между самоубийствами, в которой слухи играли не последнюю роль, представляется вполне очевидной. «Существует много свидетельств, — пишет Э. Гроллман, — что имитационное поведение играет оп-

ределенную роль в провокации самоубийств» [Гроллман 2001, 298]. В некоторых местностях Европейского Севера России, особенно там, где и поныне живут старообрядцы, почитание погибших в огне страдальцев дожило до наших дней. Так, в настоящее время, в начале XXI в., в Усть-Цильме староверы ежегодно на Троицу и Иванов день съезжаются на место погребения самосожигателей-староверов и правят заупокойные службы. Их имена первыми зачитываются на общих родительских поминальных службах, а также по ним служат субботние поминования. На одном из деревенских кладбищ, где предположительно похоронены 110 участников «гарей», местные жители возвели часовню для совершения поминальных служб [Дронова 2002, 29].

Историческое повествование о самосожжениях, дополненное легендарными подробностями, стало важным фактором в сохранении памяти о «насмртниках». Крупнейший старообрядческий историк XVIII в. Иван Филиппов, современник многих «гарей», создал величественную картину массового самосожжения, участники которого на глазах изумленных зрителей торжественной процессией отправляются на небо: «егда загореся церковь <...> и после большого дыму из самая церковных главы <...> изыде отец Игнатий с крестом в великой славе и светлости, и поднявся поиде в высоту и за ним прочия старцы и народа множество безчисленное, вси в белых ризах, в великой светлости и славе идяху за оным старцем Игнатием горе к небеси и прошедше небесныя двери, и тому невидима быша. А из них падоша на землю во огонь токмо три человека, котории из огня бросишася во окна» [История 1862, 43—44].

Часто в старообрядческой среде самосожжение рассматривалось как проявление величайшего благочестия. Сторонники самосожжений сотворили впечатляющую картину добровольных страданий за веру, которые восхищали даже безжалостных «гонителей». Так, созданное автором-филипповцем описание смерти отцов Филиппа и Терентия — основателей филипповского толка в старообрядчестве — повествует

о мужестве страдальцев и особой, легкой смерти, дарованной им как благословение от Бога. После того, как разгорелся огонь, сообщала народная молва, «не единой из них не скрычал и не зрел, яко вси прежде огня умерли, лехким сном заснули» [Демкова, Ярошенко 1972, 190]. Известно, что по народным поверьям быстрая и безболезненная смерть становилась доказательством праведности и грядущего попадания в рай, в то время как долгие мучения человека свидетельствовали о том, что грехи умирающего велики и ему не миновать ада [Кремлева 2001, 74]. Вероятно, именно поэтому старообрядческие сочинения уделяют так много внимания фиксации слухов о последних секундах жизни участников «гари». Как говорилось далее в цитируемом документе, посланный для захвата самосожигателей «афицер», глядя в окно часовни, в которой происходило самосожжение, увидел следующую величественную картину: старец Филипп «стоит во пламени под окном невредим и ризы его целы, и стоял до тех пор, пока не опал потолок» [Демкова, Ярошенко 1972, 190].

Противодействие самосожжениям: слухи против слухов

Сторонники самосожжений были предельно эмоционально вовлечены в процесс распространения слухов, искренне верили в правдивость своих слов, невольно поддаваясь эмоциональному воздействию. Противники самосожжений явно были лишены этого. Скорее можно говорить об исполнении ими профессиональных обязанностей душепастырей, призванных спасти множество «престецов» от хитрых, ловких, умелых и циничных организаторов самосожжений. Казни инакомыслящих лишь добавляли авторитета «старой вере» и ее непреклонным последователям, а приходские священники, обращаясь к пастве, не всегда находили аргументы, позволяющие предотвратить самосожжения. Поэтому на рубеже XVII и XVIII вв. проявилась новая, значительно более гуманная, просвещенная и цивилизованная тенденция в пастырской деятельности духовной власти. Отныне

фиксация негативных, наполненных кошмарными подробностями слухов о самосожжениях стала неотъемлемой частью литературной деятельности церковных иерархов.

Инициатором этого стал сибирский и тобольский митрополит Игнатий, пострижник Соловецкого монастыря, некоторое время живший в нем после подавления известного старообрядческого бунта. «Увещание» старообрядцев стало для него обычным занятием после поездки в 1687 г. в Кострому и в Кинешму по распоряжению патриарха Иоакима. Находясь в миссионерской поездке, Игнатий обращался с проповедью к местным старообрядцам, чтобы они «от злб своих и прелести перестали», «обратились бы в покаяние к святой церкви» [Смирнов 1903, 4]. С 1693 по 1701 г., находясь в сане тобольского митрополита, он подготовил ряд посланий пастве, главной целью которых стало идейное противостояние старообрядческим вождям, призывающим местных жителей к самосожжениям. В посланиях содержалась подробная характеристика церковного раскола, а также некоторых ересей, бывших в России в давние времена. Основной идеей посланий стала проповедь «душепагубности» самосожжений, участники которых неизбежно оказываются «с сатаню и с бесы вечно, на дне адския ямы» [Игнатий 1857, 125].

Заложенная митрополитом новая линия поведения в отношении старообрядцев оказалась вполне жизнеспособной. Наиболее заметным на этом фоне стало одно из первых произведений, вышедшее из среды ярых врагов «раскола», принадлежащее святому Димитрию, митрополиту Ростовскому. Он, как говорится, на одном дыхании, с ноября 1708 г. по апрель 1709 г., подготовил огромное произведение, призванное обличить старообрядцев и показать всей стране их грубые заблуждения [Скворцов 1914]. Исключительная скорость работы отчасти объясняется тем, что в труде ростовского митрополита широко использованы доводы и фактический материал из произведения предшественника — сибирского митрополита Игнатия. По данным Е. М. Юхименко, митрополит Димитрий 147

активно использовал слухи: он «пользовался многочисленными источниками: собственными сведениями, рассказами очевидцев (в том числе и вымышленными), письменными сочинениями» [Юхименко 1999, 406].

Опираясь на постепенно формирующуюся фольклорную традицию объяснения причин самосожжений, Дмитрий Ростовский сводит их к временному помрачению рассудка под воздействием колдовских чар. По его мнению, старообрядцы-самосожигатели не допускают в свои дома священников, но «сами в домах своих творяху некия церковныя службы по чину иерейскому». Во время этих богослужений верующие принимают некое «волшебное» причастие — «ягоды, изюм глаголемья». Их выносит из подполья «девка с решетом». Внезапно появившись среди молящихся старообрядцев, она кощунственно «глаголет по подобию иерейскому: “Всех вас да помянет Господь Бог во царствии своем”». Затем она раздает изюм, что приводит к неожиданному для непосвященных результату. Старообрядцы внезапно ощущают сильнейшую тягу к самоубийству любым доступным способом: «желают себе смерти, аки бы за Христа, или сожещися, или удавиться, или в воде утопиться, аки в изступлении от ума; и многии тако себе сами погубили» [Дмитрий Ростовский 1855, 573].

Предотвращение самосожжений, писал, опираясь на распространенные среди современников слухи, Дмитрий Ростовский, становится возможным лишь в том случае, если в происходящее вмешиваются сверхъестественные силы, которые открывают крестьянам, готовым погибнуть в огне, истинный смысл старообрядческого вероучения и предстоящую участникам «гарей» загробную участь. Так, перед самосожжением близ нижегородских деревень Княгинино и Мурашкино готовые к смерти старообрядцы в последний момент, «Богом соблюдении бывше», увидели в дыму разгорающегося пламени двух черных бесов, «по подобию ефиопов», «радующих и плещущих руками, и вопиющих гласно: “наши, наши есте!”». Увидев такое «радование», старообрядцы бросились прочь, вырвались из огня, при- мчались к священнику, покаялись и

«благодариху Бога, избавльшего их от тоя погибели» [Дмитрий Ростовский 1855, 573—574].

Современники событий полагали, что проклятое место самосожжения на длительное время отмечено дурным запахом. Отвратительная вонь явно противопоставляется благоуханию от тел умерших праведников. Там, где погибли самосожигатели, «смерд велий исхождаше долгое время», и человеку трудно даже пройти мимо: «не возможно быше кому на то место минующе пройти, не заткнувшу ноздрей своих». Более того, те, кто случайно оказывался на этом месте рано утром или поздно вечером, слышали «плачевныя гласы», «аки под землею вопиющия: “Ох, погibli! Ох, погibli!”». Неведомые голоса, по мнению митрополита, исходят из земли «по Божию откровению», «во извещение погибели прельщенных, во увещание же прочим, да не прельщаются раскольническими лжеучительствы» [Дмитрий Ростовский 1855, 581—582].

К середине XVIII в. во взаимоотношениях старообрядцев и власти произошел существенный поворот. Радикализм старообрядцев пошел на спад, а отношение власти к приверженцам «древлего благочестия» стало более либеральным. Тем не менее, церковное обличение проповедников добровольной смерти представлено в этот период трудом протоиерея Санкт-Петербургской пригородной слободы Большой Охты Андрея Иоаннова (Журавлева). Продолжая традицию обличения старообрядчества, заложенную сибирским митрополитом Игнатием, А. Иоаннов не избежал влияния современных ему идей. Отзвуки рационалистической критики старообрядчества видны в этом произведении. Особо вредными он считал филипповцев, полагая, что их деятельность неразрывно связана с провоцированием самосожжений, «запощивания» (смерти от голода) и других видов добровольной гибели. По слухам, каждый из них был настолько поглощен размышлениями о грядущем самоубийстве, что, оказавшись в каком-нибудь доме, «изрядно в их вкусе устроенном», филипповец обычно восклицал: «О, естли бы в таком Бог привел сгореть!» [Иоаннов 1794, 98]. Фи-

липовцы, по его сведениям, основан-ным скорее всего на слухах, «всякого новоприходящего (к ним. — М. П.) уговаривают записаться, то есть заморить себя голодом, чтобы скорее получить венец мученический». Согласившегося они обрекают на сорокадневный пост, который «человеческие силы не вынесут». Зная об этом, старообрядцы запирают несчастного в пустую избу, предварительно отняв у него всю одежду и даже нательный крест. Страдания «постников» ужасны: «они, бедные, тоскуют, тысячекратно раскаиваются, сами себя кусают и терзают. Желают скорой смерти, но не обретают, ибо все способы отняты». В ответ на мольбы страдающие от голода и жажды люди слышат один ответ: «Не дастся вам, не дастся, да не лишитесь светлых венцов мученических». Вслед за страданиями наступит отвратительная смерть: «Напоследок истерзавши сами себя, в неопisanном безобразии испускают бедную душу свою» [Иоаннов 1794, 98—100].

Проведенное исследование показывает, что распространение слухов, которое в XVII—XVIII вв. само по себе расценивалось как серьезное преступление, приняло серьезные масштабы и имело далеко идущие последствия, не только приводя ко все новым и новым самосожжениям, но и поспешно формируя новое явление религиозной жизни России — старообрядческое движение. Безусловно, возникновение каждого отдельного слуха было ситуативным и спонтанным явлением, рассчитанным на узкий круг слушателей. Однако взятые в совокупности слухи представляли собой систему сюжетов, подводящих современников к мысли о чрезвычайности событий, происходящих в окружающем мире, указывающих на выход из создавшейся ситуации (самосожжения) и оправдывающих тех, кто прибег к «огненной смерти». В создавшемся положении Русская православная церковь, опираясь в борьбе со старообрядцами на репрессивную мощь государства, тем не менее искала пути и способы преодоления религиозных заблуждений при помощи дискуссий, рациональных аргументов, богословских доводов; далеко не в последнюю очередь использовали и слухи.

Литература

Гроллман 2001 — Гроллман Э. Суицид: превенция, интервенция и поственция // Суицидология: прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001. С. 291—312.

Демкова, Ярошенко 1972 — Демкова Н. С., Ярошенко Л. В. Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 174—209.

Димитрий Ростовский 1855 — Димитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их, и изъясление, яко вера их неправа, учение их душевредно, и дела их не богоугодны. М., 1855.

Дронова 2002 — Дронова Т. И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы. Конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX—XX вв.). Сыктывкар, 2002.

Игнатий 1857 — Игнатий, митрополит. Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского, изданные в Православном Собеседнике. Казань, 1857.

Иоаннов 1794 — Иоаннов А. Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разногласиях. СПб., 1794.

История 1862 — История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862.

Катаяла 2003 — Катаяла К. Дымом в Царствие Небесное: самосожжения староверов в Шведской Карелии в конце XVII в. // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. научных статей и материалов. СПб., 2003. С. 25—39.

Кремлева 2001 — Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX вв.: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 72—87.

Мальцев 1982 — Мальцев А. И. Неизвестное сочинение С. Денисова о Тарском «бунте» 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 224—241.

Пигин, Юхименко 2003 — Пигин А. В., Юхименко Е. М. К истории жанра видений в выговской литературной школе («Видение некоей старухи» в 1748 г.) // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. Сб. научных статей и материалов. СПб., 2003. С. 129—138.

Покровский 1983 — Покровский Н. Н. Следственное дело и выговская повесть 149

о Тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1983. С. 46—70.

Сикорский 1897 — Сикорский И. А. Эпидемическая вольная смерти и смертоубийства в Терновских хуторах (близ Тораполя). Психологическое исследование. Киев, 1897.

Скворцов 1914 — Скворцов Д. И. «Розыск о раскольнической брынской вере» св. Димитрия, митрополита Ростовского, с предварительным очерком современного ему раскола в Ростовской области. М., 1914.

Смирнов 1903 — Смирнов П. С. Из истории противораскольнической миссии XVII в. Поездка архимандрита Игнатия и протопопа Иоанна Иоаннова в Кинешму для увещания раскольников и составленное Игнатием описание этой поездки. СПб., 1903.

Собрание 2006 — Собрание от Святого Писания о антихристе // Петр I в русской литературе XVIII века. (Тексты и комментарии). СПб., 2006. С. 306—319.

Сырцов 1888 — Сырцов И. Я. Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии. Тобольск, 1888.

Увещание 1872 — Увещание от святейшего Синода об уклонении от самовольного страдания и лишения жизни // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Т. 2. СПб., 1872. № 588. С. 234—348.

Чумичева 1998 — Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667—1676 гг. Новосибирск, 1998.

Юхименко 1999 — Юхименко Е. М. Неизвестная страница полемики Выговских старообрядцев с официальной церковью: предыстория «Поморских ответов» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LI. СПб., 1999. С. 404—416.

Список сокращений

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

Summary. The article deals with the peculiarities of the formation of rumors about the self-immolation. As the article basis the numerous works left contemporaries of events aimed at struggle against rumors have served. The author finds that the diversity of the motifs which drive the Old Believers to suicide, as well as the significant effect of rumors on the adoption of the fatal decisions.

Key words: *clergy, self-immolation, the Old Believers, suicide, rumors, Orthodoxy.*

Ю. А. ИВАНОВ

(Шуя)

СЛУХИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ШУЙСКИЙ УЕЗД ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. *Рассматриваются слухи, циркулировавшие в Шуйском уезде Владимирской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Среди наиболее часто встречаемых можно выделить: «аграрные» слухи (о переделе земли, отмене платежей, отнятии земли у помещиков и т. д.), слухи о царе (покушения, здоровье и т. д.), слухи о войнах или «измене» и т. д.*

Ключевые слова: *слухи, общественные фолии, эсхатология, информационный изоляционизм*

Роль слухов в жизни того или иного социума в определенные исторические периоды, их влияние на политическую ситуацию, психический фактор этого феномена не новы как для фольклористики, социальной психологии и исторической социологии, так и для исторической науки (см., напр. [Войтасик 1981]). Не новы прежде всего в той части, которую можно обозначить как историю ментальности, «историю видения мира», с присущим ей интересом к истории коллективных представлений и воображения в том виде, в каком они вырисовываются, судя по отношению людей к власти, религии, «своим» и «чужим», семье, жизни и смерти...

В начале XX в. В. О. Ключевский отмечал, что «исторические факты — не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени — те же факты и очень важные, точно так же требующие критического изучения» [Ключевский 1914, 360]. В полной мере это относится и к слухам, циркулировавшим в обществе.

В российской истории выделяются периоды, когда слухи играли огромную роль: период «смуты» начала XVII в. (самозванчество «лжедмитриев»), 60—70-е гг.